

Все бегут-бегут-бегут... А он не спешит

Валерий
Леонтьев:
о себе, о музыке,
о славе

В свое время Валерий Леонтьев был олицетворением стиля диско. Времена изменились. И теперь кумир 80-х не так уж часто мелькает на экране. Еще реже — на музыкальных тусовках. Ведет довольно замкнутый образ жизни. Много времени проводит в Америке и на своей подмосковной даче. Общается лишь с очень близкими друзьями... Загадка, одним словом.

С Леонтьевым мы встретились в концертном зале «Россия», где шла его новая программа «Полнолуние». Название, кстати, тоже довольно мистическое. Он объясняет его как «ожидание несостоявшегося».

— Теперь ваша манера и имидж изменились? Похоже, от того вечно прыгающего шута осталось не так много. Зато порой проскальзывает какая-то грусть. Откуда это?

— Я не уверен, что являл собой в первую очередь прыгающего шута. Кроме этого, я делал и серьезные вещи, такие, как опера «Джордано Бруно» или песни «Белая ворона», «Афганский ветер». Хотя я не отказываюсь: мне всегда был свойствен шутливый взгляд — через эту призму удобно смотреть на многие вещи. Что касается перемен, то жизнь идет. И, к счастью,

я надоедаю себе быстрее, чем зрителю.

— Вероятно, у вас в последнее время были проблемы с коллективом? Как вы отнеслись к тому, что год назад ваш старый коллектив остался в США? Говорят, это было джентльменским соглашением?

— У меня остались 3 человека — это не весь коллектив. В августе я ездил к ним в гости и убедился, что живут они там неплохо — преодолевают трудности первых лет. Я думал, будет хуже. Вечером работают в ресторане «Распутин», а днем учатся на курсах английского.

— А вы никогда не думали о том, чтобы уехать?

— Думал, но при этом не забывал, что невозможно перетаскать туда и 300 миллионов зрителей. Я не слышал о таких примерах, чтобы наш популярный артист приехал и почувствовал себя там точно так же, как и здесь. За исключением, может быть, Михаила Барышникова — он мировая величина. Так что, какой смысл? Да и для чего начинать все с нуля? Лучше ездить туда почаще. Думаю, при сегодняшнем положении дел пробить себе дорогу в американском шоу-бизнесе просто нереально — при том, что наш

жанр существует буквально несколько лет. Ведь у нас в стране практически не было рок-поп-культуры. Существовал ряд разрешенных властями исполнителей, которые пели на заданную им тему. И сегодня мы просто неконкурентоспособны.

— То есть то, что сегодня появилось так много слабых исполнителей, вы связываете с эмбриональным состоянием нашего поп-рынка?

— Сегодня ведь запели все, кто хотел. Необязательно быть талантливым. Надо найти деньги, и появится возможность выйти и на сцену, и в эфир.

— Вы им не завидуете? Ведь вы затратили много лет и усилий, чтобы пробиться.

— Завидую. Потому что помню, как десятилетиями обдирали локти и колени в кровь, чтобы выйти в эфир. Сегодня это проще. Но сегодня, наверное, как раз благодаря обилию мелькающих имен и труднее закрепиться.

— Вас не беспокоит то, что в последнее время ваше имя не появляется на ведущих позициях хит-парадов? Или же вы чувствуете себя мэтром, который уже всего добился и теперь живет в свое удовольствие?

— Как раз у меня нет та-

кого ощущения — матерого зубра. Просто, наверное, я не придаю слишком серьезного значения этим вещам. Я немного знаю, как эти хит-парады делают. С другой стороны, если тот или иной хит-парад возглавляет, собственно говоря, частушка, основанная на какой-то фольклорной интонации и имеющая 2,5 ноты, — то это и неудивительно. Она очень хорошо ложится на слух, быстро запоминается и повторяется.

— Вы утверждаете, что остаетесь романтиком. Актуален ли романтизм, когда все превращается в скептиков?

— Неужели я должен петь о том, о чем говорят газеты? С утра до ночи на людей обрушивается шквал негативной информации: убийства, войны, повышения цен. Мне бы хотелось, чтобы слушая мои песни, они об этом забыли.

— Получается, что вы выполняете функцию телевизионных мыльных опер...

— Ну, я думаю, это не так безнадежно, как 135-я серия «Моей второй мамы».

— В зале было очень много ваших фанов. Они молятся за вами по всей стране. За столько лет они вас не достали? Ведь вам, насколько я знаю, из-за этого очень часто приходится менять номер телефона.

— Это атрибутика, сопутствующая любой «звезде». Это надо взять за данность и помнить, что в жизни самого популярного человека когда-то наступает день, когда прекращаются и звонки, и письма.

— То есть к славе вы относитесь положительно? Она вас не раздражает?

— Я не собираюсь вставать в позу и заявлять: «Как я устал, как все это надоело!» Это нормальный ход вещей — по возможности надо получать удовольствие от проявлений признательности.

— В 1982—83 годах вы были буквально запрещенным певцом. С чем это связано? Раздражали ваша манера, внешний вид?

— Очевидно, это связано с той опасностью, которую, как полагали цензоры, я нес своим ощущением моральной свободы. Я чувствовал, как хотел, и пел, как хотел. Наверное, они видели в этом угрозу порядку, казарменному положению. В концертном зале «Россия» я не появлялся два года. В 82-м году здесь был авторский вечер Тухманова, в котором я участвовал. Пришел, а на вахте был приказ меня не пускать, и — меня не пустили. Пустили лишь в 84-м, скрепя сердце: мы делали программу на музыку Паулса «Святая к музыке любовь».

Поскольку все второе отделение пел я, им некуда было деваться.

— У вас очень много песен о любви. Что такое любовь в вашей жизни?

— Любовь — очень эгоистическое и себялюбивое чувство, которое тем не менее дает огромную энергетику. Я пользовался этим чувством в своих корыстных целях, чтобы передавать его и зажигать зал. Так что в этом смысле я оказался человеком практичным.

— Вы никогда не были женаты. Это принципиальная позиция?

— Нет, я уже был женат. Это уже в прошлом. Сегодня я не считаю, что для того, чтобы быть женатым, надо обязательно бежать в мэрию.

— Какие женщины вам нравятся?

— Я назову имена, которые всем известны: Ким Бесинджер или Катрин Денев.

— Ну у вас и запросы! А в реальной жизни что-то подобное встречается?

— Да, только необязательно об этом рассказывать. Единственное, что я могу сказать, — в круг моих симпатий не входят красивые дуры.

— Многие люди, которым приходилось с вами общаться, характеризуют вас как человека безумно замкнутого. Внешне предельно доброжелательного, но — невероятно закрытого...

— Что касается журналистов, то искусство давать интервью и состоит в том, чтобы наговорить часа полтора и не сказать ничего. Я не собираюсь крутиться и вертеться, просто скажу: моя частная жизнь — это моя частная жизнь. И я вовсе не собираюсь перед всеми раскладывать свои простыни и наволочки.

— Почему вы не любите общество? Вас раздражает человеческая суета?

— Не люблю шума, вполне удовлетворяюсь узким кругом старых знакомых. Тусовки меня не притягивают. Возможно, я делаю ошибку, избегая сборищ, о которых потом много пишут, сообщая, кто с кем

пришел, в чем они были одеты и что ели и пили. Вероятно, это тоже реклама — но мне это не интересно.

— То есть ваши коллеги по эстраде вас мало волнуют?

— Почему же? Я хожу на концерты, ориентируюсь, что происходит. Но вовсе не обязательно для этого идти в кабачок. А чтобы дружить — то эстрадные исполнители слишком разобщены. Каждый занят своими проблемами.

— Говорят, у вас великолепная дача в Валентиновке, дизайн которой вы разработали сами. Там и бассейн, и тренажерные залы, и сауна...

— Я не считаю, что это какое-то из ряда вон выходящее великолепие. Просто, не дожидаясь благ от государства, я построил дом, в котором мне было бы удобно жить.

— Вы поддерживаете форму на тренажерах?

— Разумеется. И на гастролы вожу с собой железки, помахиваю каждый день. Но в последнее время тренажеры были оттеснены занятиями балетом — в новой программе я работаю с ними синхронно. Для этого все лето пришлось просидеть в балетном классе.

— Это правда, что вы неплохой портной? И можете себе шить все, что угодно?

— Это было давно. Потому что в комбинатах бытового обслуживания не предполагалось изготовления тех фасонов, которые я себе придумывал. Мне говорили: «Лекал таких нет». Пришлось научиться всему самому. Потом у меня появились свои художники, ну а когда я наконец стал

выездным, начал одеваться там, в специальных магазинах. Сегодня на мне дизайнерские вещи, купленные в Лос-Анджелесе и Нью-Йорке.

— Но диапазон ваших пристрастий в одежде по-прежнему поражает. То это элегантный костюм, то набедренная повязка.

— Мне интересно попробовать себя во всем — от монашеской рясы до «голышом».

— Где вы предпочитаете отдыхать?

— У моря. И чтобы никого не было. Обычно это происходило около Евпатории. А в этом году я нашел такой же тихий уголок, как ни странно, в Нью-Йорке, на берегу океана. Это удивительно: если выехать без спичек, то целый день уже не закуришь — никого нет...

— Похоже, у вас есть все, о чем только может мечтать обыкновенный человек: слава, достаток, возможность самореализации. Вы о чем-то мечтаете?

— Мечтал о новой программе. Сейчас это осуществилось, но свято место пусто не бывает. Я мечтаю о хорошем художественном фильме, в котором бы сыграл серьезную заметную роль.

— Роль, в которой не было бы ничего музыкального?

— Избави, Господи. До сих пор мне идут сценарии, где герои целуются, и тут же поет Леонтьев. Я ими растапливаю камин...